

УДК 94(470)

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700 – 1721)

*Дж.Я. Рахаев,
младший научный со-
трудник отдела исто-
рии, Институт гума-
нитарных исследований
Правительства КБР и
КБНЦ РАН, г. Нальчик*

ВЕСТНИК 2007. № 16(2)

Вхождение петровской России в кавказскую геополитику состоялось в конце XVII в. Азовские походы 1695 – 1696 гг., предопределившие ход Русско-турецкой войны 1686 – 1700 гг., позволили Московскому государству закрепиться в юго-западной части Приазовья, где был сформирован мощный военно-морской плацдарм (Азов, Таганрог). Константинопольский трактат 1700 г. не удовлетворял геополитических притязаний ни одной из сторон и фактически лишь откладывал военный конфликт. Потеря Приазовья лишала османское правительство важного военно-политического плацдарма в регионе и ставила под угрозу реализацию экспансионистских планов в отношении кавказского геополитического пространства. Крымское ханство в силу потери Приазовья и фактического ослабления контроля над вассальными владениями в Прикубанье утратило и внутривосточную стабильность. Многочисленные претенденты на ханский престол в начале XVIII в. находили мощную поддержку на «кубанской стороне», среди местных владетелей. Насущная цель восточной политики Московского государства конца XVII в. – военно-торговое освоение Азово-Черноморского бассейна – не была достигнута. Превентивные переговоры союзников России

по антитурецкой коалиции вынудили правительство Петра I отказаться от военного похода на Керчь – «ключ-город» Черного моря, удовлетворившись приобретением юго-западной части Приазовья.

Развитие наступления в Северном Причерноморье неизбежно должно было привести Россию к войне с Османской империей, причем без поддержки европейских стран, занятых подготовкой к войне за испанское наследство (1701 – 1714). В ситуации, когда Англия и Франция – главные соперники в борьбе за наследство испанского короля Карла II – не могли оказать военной помощи своей северной союзнице, русское правительство 19 августа 1700 г. объявило войну Швеции.

Утвержденный послом в Османскую империю в апреле 1702 г. П.А. Толстой получил полномочную грамоту к султану Мустафе II (1695 – 1703), где подчеркивался миролюбивый характер российского посольства, задачей которого являлось укрепление добрососедских отношений между двумя странами, «лучшее и состоятельное оного мира укрепление»¹. Приоритетная задача миссии П.А. Толстого заключалась в том, чтобы добиться от османов жесткого контроля над Крымским ханством и предотвратить набеги, отпор которым должен был отвлечь значительную часть русских вооруженных сил от главного театра войны на севере, где шла война со Швецией.

Российской дипломатии в дополтавский период удавалось успешно преодолевать российско-турецкие противоречия. Полтавская победа, кардинально изменившая ход Северной войны, опосредованно повлияла на русско-турецкие отношения. По мнению российского командования, в случае войны с Турцией на южном направлении был необходим надежный союзник из числа феодальных владетелей Северного Кавказа. Крымско-кабардинский конфликт предопределил выбор такого союзника.

По-видимому, мысль о возможности использования крымско-кабардинской конфронтации в случае войны с Османской империей впервые пришла Петру I в феврале 1709 г. В письме, адресованном Азовскому губернатору И.А. Толстому, царь указывал: «Понеже от турков хотя и еще не совершенно, однако ж, некоторое начинает быть помышление к войне, того ради вам надлежит не своим лицом, но чрез верных или из донских казаков или через кого иного обослатца к черкесом, которья ныне воюют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть. А сие для того, ежели б, отчего боже сохрани, турки или татары что зачали с нами, тогда б уже и нам оных явно принять к себе, что надлежит заранее основать, аднакож, зело тайно и не от своего лица»².

Губернатор неукоснительно выполнил царское повеление, и к середине лета 1709 г. правительству Петра I посредством договора с кабардинскими князьями удалось укрепить свои геополитические позиции на всей территории Центрального Предкавказья³.

В конце 1710 г. в результате интриг европейских дипломатов Турция объявила России войну. Разработанный русским дипломатическим и торговым агентом С. Рагузинским стратегический план военных действий включал в себя операции на широком фронте от Балкан до Кубани. Он исходил из господствовавшей после Полтавы в российских дипломатических и военных кругах переоценки собственных сил и явной недооценки сил Турции, особенно Крыма. Борьбе против Крымского ханства

отводилась явно второстепенная роль (впервые в истории русско-турецких конфликтов). Для проведения отвлекающих действий против татар планировалось выделить не более 20 тыс. казаков под командованием гетмана Украины И.С. Скоропадского и генерала Д.И. Бутурлина. На Кубанскую Орду предполагалось отправить около 7 тыс. солдат казанского губернатора П.М. Апраксина.

В феврале 1711 г. кабардинские князья прислали Петру I письмо, в котором уверяли царя в готовности выполнить договоренности 1709 г. – «что ваше величество укажешь, и мы тебе, государю своему, служить с радением готовы». Уведомив о том, что они знают о начале Русско-турецкой войны, князья просили: «Впредки какой будет... договор и мирное постановление, и в то число и нас, раб своих, не позабутьте, чтоб крымский хан нам впредь никакой обиды и шкоды не чинил»⁴.

Для координации действий российских войск и кабардинского ополчения в Кабарду был направлен А.Б. Черкасский, куда он прибыл 28 июня 1711 г. А.Б. Черкасский предъявил кабардинским князьям Грамоту Петра I – «Татархану князю черкесскому, и братьем его, и прочим владельцам, и всему народу тому» – с предложением принять активное участие в ходе войны. По поручению кабардинских князей А.Б. Черкасский передал российскому правительству условия, на которых они были согласны служить России: «Говорили мне черкесские владельцы, чтоб ваше царское величество не оставил черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес, как ваших слуг верных. Второе, чтоб их наделять погодно жалованием, как написано к ним в грамоте вашего царского величества, как предком их было жалованье прежде, и им то учинить погодно жалованье. Третье, не позывать бы их в другие дальние край в службу, а при тех странах ради служить вам верно. Четвертое, ежели неприятель наступит на них, чтоб их в разорение не дать и оборонить от неприятеля». Князь заверил кабардинцев в том, что «царское величество прозьбу вашу милостиво приемлет», однако они поверили только тогда, когда он «им присягу учинил».

В заключение князь информировал царя о том, что «и другим владельцам, которые обретаются близ черкес, посылал призвать в службу к трем народам: кумыком, мичкисом, чеченцом. И оные отповедствовали мне чрез посланцов своих, чтоб им дать жалованье, сколько персона выедут на службу. Ежели вам то угодно, прикажите дачи на них прислать, удобно здешнего края народом червонные ефимки, камки, бельи мехи. И о том писал к Москве к Сенату, по указу вашему, как мне в пунктах доносительных написано».

В течение лета и осени 1711 г. российские войска под командованием П.М. Апраксина совместно с калмыками в результате нескольких решающих сражений нанесли сокрушительное поражение Кубанской Орде. В победной реляции губернатор сообщал, что были побиты 11 460 татар, а 21 000 – взяты в плен. Кубанцев преследовали вдоль по течению Кубани на протяжении 100 верст, более 6 тыс. татар утонули в реке. 17 августа 1711 г. П.М. Апраксин получил от А.Б. Черкасского донесение, в котором князь извещал его о том, что «кабардинцы уже собрались и стоят близ Кубани у р. Кумы в двух днях переезда от нее и в одном – скорой езды». Князь указывал на то, что «черкесские (кабардинские –

Дж. Р.) владельцы безмерно докучают ему по неизвестности о ходе русских на Кубань, не верят, что он сбудется, потому что черкесы при р. Куме уже 8 дней и намерены с владельцами близ Кубани напасть на абазинцев, бесленеевцев, башилбайцев и родных им нагаев»⁵.

Между тем 8 – 10 июля основные силы русской армии на Пруте оказались в катастрофическом положении, окруженные втроекратно превосходящими турецко-татарскими войсками. Русскому командованию пришлось вступить в переговоры, результатом которых явилось подписание Прутского мирного договора.

Вскоре П.А. Апраксин получил донесение о подписании Прутского договора и вернулся в Азов. Он так и не встретился с кабардинским войском, чем «крайне огорчил» его руководителей. Кабардинские князья безуспешно требовали послать к ним на помощь 2000 – 3000 казаков, чтобы «разорить вконец кубанцев». Не дождавшись российской помощи, кабардинские князья напали на абазин, вынудив их владетелей признать сюзеренитет Кабарды. Дальнейшее наступление на кубанцев пришлось прекратить в связи с известием о нападении на Кабарду Тарковского шамхала и части дагестанских владетелей.

Прутский мирный договор, завершивший Русско-турецкую войну 1710 – 1711 гг., был выгоден для Османской империи, но не отвечал интересам Крымского ханства. Геополитические притязания ханства на Украину и Центральное Предкавказье не нашли отражения в тексте договора. Сразу же после подписания договора Девлет-Гирей II повел энергичную борьбу за его отмену, что во многом осложняло русско-крымские и русско-турецкие отношения в течение 1711 – 1713 гг., поскольку влияние Девлет-Гирея II на Ахмеда III было весьма значительным. Два раза – в декабре 1711 г. и ноябре 1712 г. – ему удавалось добиться объявления войны. Тем не менее российская дипломатия успешно отвергла претензии крымского хана на Украину. Однако в вопросе о принадлежности территорий, занимаемых этнополитическими образованиями Центрального Предкавказья, Московское государство пошло на значительные уступки Крымскому ханству. Правительство Петра I, проигнорировав условия прежних договоренностей с обществами Центрального Кавказа, фактически предоставило крымцам право определять формы и методы геополитической экспансии ханства в этом субрегионе Кавказа.

Подписание Адрианопольского договора о перемирии с Турцией в 1713 г. имело следствием изменение приоритетов в кавказской политике российского правительства: основное внимание теперь уделялось Дагестану. По-видимому, решающее влияние на формирование новых задач внешней политики России на Кавказе оказало донесение вернувшегося в 1714 г. в Петербург А.Б. Черкасского. В нем, в частности, раскрывались намерения османского правительства в отношении феодальных владетелей Северного Кавказа: «Паче всего желают, дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить»⁶. Прогнозируя возможные последствия изменения военно-политической обстановки на Кавказе в случае, «ежели оное турецкое намерение исполнится», А.Б. Черкасский писал: «Когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучше в войне, кроме регулярного войска». Для

предотвращения османской экспансии он предлагал перейти к более решительным действиям, вплоть до строительства крепостей и размещения российских войск в узловых пунктах Дагестана и Кабарды, поскольку «опасности никакой в привращении их не будет, понеже народ тот вольный есть». Присоединение Прикаспия, по мнению А.Б. Черкасского, привело бы к усилению позиций России на Кавказе: «сила ваша в том краю наилучше расширится... понеже того пригорного народа в тех сторонах безмерно боятся, а паче в страхе персияне, которые для опасения своего кумыцким князьям и шевкалом будто жалованье дают, и ежели разсудить их дела, то подобно дани». О реакции Петра I на предложения своего советника по восточным делам можно судить по именному указу сенаторам, которым предлагалось продумать вопрос «о горских народах, каким образом их к нашей стороне склонить... дабы их каким образом лучше при нашей стороне удержать».

Правительство Петра I пришло к мнению о необходимости тщательной военно-дипломатической подготовки к активным действиям в этом субрегионе Кавказа. С этой целью в 1715 г. в Иран было направлено посольство А.П. Волынского. В письменной инструкции царя послу предписывалось собирать сведения о состоянии сухопутных и торговых сообщений, вооруженных сил и крепостей и т. д. Сам А.П. Волынский, отправляя А.И. Лопухина из Шемахи в Астрахань «сухим путем», приказывал последнему, чтоб он «осмотрел и описал тамошний путь». А.П. Волынский и А.И. Лопухин точно выполнили данные им инструкции. По пути в Иран и обратно они вели подробные записи, ставшие важными источниками для изучения военно-политического и экономического положения в Иране, Прикаспийских областях и Дагестане. Сведения, собранные в 1716 – 1719 гг. русскими военными в Прикаспийских областях, уточнили и дополнили накопленную ранее информацию. В 1718 г. А.П. Волынский, подписав с шахом Ирана торговый договор, вернулся в Петербург.

Учитывая создавшуюся обстановку, правительство Петра I предприняло конкретные меры для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. А.П. Волынский был назначен астраханским генерал-губернатором. В апреле 1719 г. он обратился с запросом в Сенат: как быть со смежными народами (калмыками, кумыками, ногайцами и кабардинцами), «от коих его царского величества подданным как польза, так и вред бывает». Сам губернатор считал целесообразным укрепить влияние среди кумыков, ссылаясь на пророссийскую ориентацию шамхала Адиль-Гирея и аксаевского владетеля Султан Махмуда, выказанную им во время проезда А.И. Лопухина. Сенат в ответной инструкции указывал оберегать тех владетелей, которые приняли российское подданство, и склонить к тому же других, пресекая их сближение османским правительством, Крымским ханством и Кубанской Ордой. Для усиления российского влияния на Южном Кавказе А.П. Волынский установил тесный контакт с царем Картли Вахтангом VI и армянскими князьями-меликами, которые обещали выставить вспомогательные силы в случае похода российских войск в Прикаспий.

В ноябре 1720 г. российскому внешнеполитическому ведомству, преодолев противодействие западноевропейских дипломатов, удалось добиться подписания с османским правительством Стамбульского мирного до-

говора, подтверждавшего основные условия Адриано-польского трактата 1713 г., что, безусловно, являлось крупным дипломатическим успехом накануне подписания Ништадского мирного договора.

Восточная политика страны в годы Северной войны 1700 – 1721 гг. реализовывала несколько приоритетных задач, но в первую очередь – сохранение добрососедских отношений с Османской империей и Крымским ханством. Прагматичность, оперативность, гибкость, внимание к военно-политическим и экономическим интересам феодальных владетелей Кабарды и Дагестана, проявленные правительством Петра I при реализации геополитических притязаний на Кавказе в первой четверти XVIII в., позволили России избежать крупных материальных и людских потерь и, опираясь на военно-политические союзы с горцами Северного Кавказа, обезопасить южные границы страны.

¹ Инструкция гр. П.А. Толстому при отправлении полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 г. // Отечественные записки. 1822. № 25, 26, 29, 30.

² Письмо Петра I Азовскому губернатору И.А. Толстому. 15 февраля 1709 г. // Письма и Бумаги императора Петра Великого. Т. 10 (январь – декабрь 1709 г.). Вып. 1. М. – Л., 1956. С. 89.

³ Подробнее о русско-кабардинских переговорах в 1709 – 1711 гг. см.: Рахаев Дж.Я. Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700 – 1711 гг. // Ист. вестн. ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 1. Нальчик, 2005; Он же. Центральное Предкавказье в Русско-турецкой войне 1710 – 1711 гг. // Перспектива-2006. Нальчик, 2006.

⁴ РГАДА. Кабинет Петра Великого. II. Кн. 14, л. 164 об.

⁵ Цит. по: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ставрополь, 1967. С. 270.

⁶ ПСЗ. Т. V. № 2815. С. 108.